

Было – не было...

О раскопках археологов на месте строительства Большеволковской школы

Лет 50 тому назад ранним июньским утром я бойко шагала по дороге, соединявшей две деревни Большое Волково и Макарово: на летние каникулы родители отправили меня к бабушке в деревню. От железнодорожной станции до села Вавож мы добрались в маленьком, надрывно буксующем автобусе, а от села пришлось идти пешком. Автобусы в деревню не ходили, машин в ту пору в деревнях днем с огнем не сыщешь, разве что служебная у председателя колхоза.

Начинало светать. Путь поездом от Ижевска был крайне утомительным, вагон был набит людьми, буквально штурмованными затем с котомками и чемоданами маленький автобус, доставивший нас от железнодорожной станции до райцентра. Но усталости я не чувствовала. Да и мои молодые спутники, возвращавшиеся на выходные из города в деревню, были веселы и охотно делились рассказами о деревенской жизни. Слева за машинными дворами осталась волковская школа, которую в тот год заканчивал младший брат отца, а где-то по правую руку, в сторону реки Валы, «включился» хор лягушек... Разве можно было тогда предвидеть, что много лет спустя я вновь вернусь на это место, но уже как исследователь древностей родного края.

В марте 2020 года при демонтаже старого здания сельской школы строители наткнулись на человеческие кости. Не то чтобы никто в деревне не знал о том, что школа стоит на «костях» (ее строили в конце 1960-х, как говорят, хозспособом; кости и прежде находили во время школьных субботников, при посадке деревьев), но об этом, по-видимому, старались не думать. Да и время было другое. Тем не менее еще в 1930-е годы известнейший московский археолог Алексей Петрович Смирнов, проводивший археолого-этнографические исследования в бассейне р.Валы, указывал на остатки старых удмуртских кладбищ «вужшай» вблизи деревень Большое Волково, Александрово, Чужьялово.

И вот, разобрав стены старой школы, рабочие наткнулись на сильно раздавленные костяки и вещи рядом с ними. Выехавшие на место археологи Удмуртского госуниверситета вынуждены были приостановить на время строительные работы. Федеральный закон об охране памятников прямо требует: прежде чем строить на месте памятников прошлого, необходимо их изучить, сохранив для будущих поколений то, что еще не разрушили века и люди. Самым удивительным в случае с Большеволковским могильником (так в терминах археологии принято называть места древних захоронений) было то, что под зданием школы плохо, но сохранились могилы. Кости сильно раздроблены, смещены с первоначального места, черепа деформированы, но они были! И вещи рядом с костями явно указывают на XVIII век. Теперь их можно исследовать, шаг за шагом расчищая, сфотографировав, собрав

все сопровождавшие захороненные вещи.

А материалов для вдумчивого исследователя Большеволковский могильник предоставил немало, да каких! Работать нам пришлось в очень жестких условиях: режим самоизоляции только-только ввели. Ограничения во всем. На улицах деревни пустынно. Не удивительно, что мало кто заглядывал на раскоп. Разве что Валерий Ахметович Ганеев, в прошлом директор этой самой школы. Он и поделится своими рассказами рад, и помочь нам с водой, инструментом, и присмотреть, чтоб детшки местные не хулиганили. Настоящий ангел-хранитель раскопа.

В итоге за время работ нами перелопачены «тонны» грунта, зачищено около 2 тыс. кв. м строительных котлованов. Открыто и расчищено 50 захоронений. Пока специалистами не проведено палеоантропологическое исследование костных останков, трудно судить о половозрастном статусе умерших. Но это еще впереди... А пока попробуем исследовать погребальный инвентарь. Помимо костей, именно он дает немало «пищи для ума».

Вот перед нами явно женское захоронение. Шею местной модницы украшало ожерелье из крупных стеклянных бус (фото 1). Вероятно, оно шикарно смотрелось 200 с лишним лет назад. Бусы из непрозрачного ярко-синего и белого стекла. Россыпи из бус (только существенно меньшего диаметра) неожиданно обнаружались и в области рук. Что это? Остатки расшитых голубым и синне-зеленым бисером рукавов платья? Или пока непонятые нами детали костюма? На запястье умершей был надет оберег – толстая нить с нанизанными на нее монетами-чешуйками (так называлась мелкая серебряная монета, имевшая хождение в Московии–России со времен великого князя Василия II, ну а в вятско-камские леса поступавшая в значительных количествах в конце XV–XVI вв. уже после присоединения удмуртов). Здешные красотки охотно использовали блестящие металлические пластинки для украшения головных и нагрудных украшений. В нашем случае, совершенно очевидно, такие монеты уже не имели значения в монетном обращении, а хранились как семейные реликвии в сундуках, передаваясь по наследству от матери к дочерям. Рядом с правым плечом красотки был уложен короткий железный нож (такой обычай повсеместно фиксируется в могильниках разных групп удмур-

Явно женское захоронение. Шею местной модницы украшало ожерелье из крупных стеклянных бус. Вероятно, оно шикарно смотрелось 200 с лишним лет назад

» В 1930-е годы московский археолог Алексей Петрович Смирнов, проводивший археолого-этнографические исследования в бассейне р.Валы, указывал на остатки старых удмуртских кладбищ вблизи деревень Большое Волково, Александрово, Чужьялово

тов XVI–XIX вв.). Здесь же лежала круглая медная монета, сильно коррозированная в агрессивной глинистой среде, с нечитаемой легендой. Очевидно, кто-то из родственников незаметно бросил в гроб, пока его не заколотили, с напутствием: «пусть покойнице достанется хорошее место в мире мертвых».

Не меньший интерес для реконструкции традиционной одежды местных удмурток представляют обнаруженные в погребениях остатки высоких головных уборов (айшон?). Но это тоже будет сделано чуть позже, после полной научной обработки полевых материалов.

Среди мужских погребений заметно выделялось одно – еще в «поле» мы назвали его (условно) захоронением «сапожника». Это единственная могила, в которой умерший был захоронен в сапогах. Прекрасно сохранились подметки, каблуки и даже стельки из бересты. Примечательным был и набор вещей, уложенных в изголовье умершему: это кожаный кисет, в котором были бронзовый перстень-печатка, монета и курительная трубка, вырезанная из древесного гриба/капа. Рядом с кисетом родственники положили покойнику его орудие – сапожный нож. Сапожным ремеслом в удмуртской деревне XVIII–XIX вв. владели немногие. И, если «покопаться» в доку-

Валерий Ганеев (на фото - крайний слева), в прошлом директор Большеволковской школы, рад был поделиться с учеными своими рассказами, помочь им в проведении раскопок

ментальных источниках, наверное, даже можно установить имя человека, который был захоронен в погребении с номером 23. Это, думаю, по силам сделать и местным краеведам, с неподдельным упорством, ведущим свою историческую летопись.

Присутствие в могилах разнообразного вещевого инвентаря позволяет говорить об устойчивости языческих традиций. Но среди полусотни изученных нами могил, только в трех найдены медные нагрудные крестики – явный признак принявших православную веру. Хорошо известно, что, не смотря на начавшуюся в 1740-х годах массовую христианизацию удмуртов, здесь, в глухом лесном углу на пограничье Малмыжского и Сарапульского уездов Вятской губернии, еще долго сохранялась «крепость язычества». Много лет служивший в здешних церковных приходах о. Михаил Елабужский в начале XX века так писал о двоеверии удмуртов: «Воткак ... не прочь бы и совсем оставить старую, языческую веру, если бы был уверен, что от этого заметно улучшится его экономическое состояние».

Да, вот так незаметно, шаг за шагом, бережно расчищая ножом и кистью крупницы прошлой жизни, археологи возвращают память о жизни обычных людей, их обычаях, ритуалах, представлениях о смерти. Наша задача, как ученых, восстановить детали этой прошлой жизни, вписать историю удмуртов как можно полнее в общечеловеческую историю. И я убеждена, что нам это удастся сделать. Ведь, наверное, неслучайно этот тяжелый для всех високосный год принес нам возможность приоткрыть завесу столетий забвения над теми, кто покоился под старым зданием сельской школы в д. Большое Волково. И, надеемся, что после всех необходимых научных исследований, с помощью администрации района, служителей церкви и всех неравнодушных жителей деревни, изученные археологами останки, обретут последний, теперь уже самый настоящий покой.

Е.Черных,
кандидат исторических наук,
профессор кафедры истории
Удмуртии, археологии и этнологии
УдГУ. Фото автора